

СЕРИЯ «СУВЕРЕННЫЙ ДАНЖ» • КНИГА 4

НЕЙТОН ПАТЧЕР

**НУЛЕВОЙ
ГОРИЗОНТ**
СУВЕРЕННЫЙ ДАНЖ

LITRPG • БОЕВОЕ ФЭНТЕЗИ

Нейтон Патчер

**Нулевой горизонт:
Суверенный данж против
Аппаратного Коллапса**

«Автор»

2026

Патчер Н.

Нулевой горизонт: Суверенный данж против Аппаратного
Коллапса / Н. Патчер — «Автор», 2026

Программная война проиграна корпорацией — начинается физическая зачистка. Не сумев взломать защитные протоколы Суверенного Данжа, руководство «НейроСферы» направляет штурмовой отряд ликвидаторов в сибирский бункер, где установлены серверные стойки сектора D-17 и медицинская капсула Максима Корсакова. До включения криогенного уничтожителя осталось ровно 72 часа. Чтобы выжить, инженер активирует запрещенный протокол «Аппаратная Миграция»: код Данжа рассеивается по орбитальной спутниковой сети, а виртуальные турели перехватывают управление тяжелыми промышленными роботами в реале. Впервые законы игры вторгаются в физическую реальность. Хватит ли Максиму хладнокровия и вычислительной мощности, чтобы отразить атаку безжалостного квантового ИИ и спасти свое тело? Читайте взрывное продолжение легендарного цикла прямо сейчас!

© Патчер Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Запах озона в тайге	6
Глава 2. Протокол «Аппаратная Миграция»	11
Глава 3. Первый рубеж периметра	17
Глава 4. Холодный Пульс	23
Глава 5. Тепловой баланс	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Нейтон Патчер

Нулевой горизонт: Суверенный данж против Аппаратного Коллапса

Нулевой горизонт:

Суверенный данж

Серия «Суверенный данж» • Книга 4

Нейтон Патчер

Глава 1. Запах озона в тайге

Золотое сияние Солнечных Врат над Цитаделью еще плавило виртуальный горизонт, когда в правый висок ударила сухая, раскаленная игла аппаратного прерывания.

Системный интерфейс не мигнул — он раскололся. Геометрия геостационарного луча, державшего защитный купол над оцифрованным континентом, подернулась рябью артефактов растеризации. Звуки триумфа, шелест мановых потоков и гул побежденного виртуального мира мгновенно утонули в низком, вибрирующем на частоте сорок герц зуммере аварийного оповещения реального контура.

По нервным окончаниям полоснуло холодом. Не метафорическим — физическим. Датчики биокапсулы в глубине скального массива зафиксировали скачок теплопотерь внешнего периметра.

[Внимание! Нарушение целостности физического сетевого экрана] [Узел D-17: Бункер «Кедр-4». Локация: РФ, плато Путорана, квадрат 44-12] [Температура внешней среды: -38.6°C. Скорость ветра: 22 м/с. Метель] [Акустический контакт: множественные сигнатуры низкочастотных газотурбинных двигателей]

Максим переключил поток внимания, с силой рассекая связки между виртуальным телом Архитектора и глубокими слоями нейроинтерфейса. Золотые своды тронного зала рассыпались пиксельной пылью. Перед внутренним взором развернулась грубая, монохромная телеметрия реального мира: двадцать четыре камеры внешнего наблюдения, шестнадцать сейсмодатчиков и узкая полоса радиорелейного моста, связывавшего этот забытый богами железобетонный колодец с внешним интернетом.

Через зернистый фильтр тепловизора на северном склоне сопки проступили три колоссальных клина.

Тяжелые военно-транспортные Ми-26, лишённые опознавательных знаков гражданской авиации. Вместо них на матовых серых бортах, покрытых инеем, тускло фосфоресцировали трафареты: стилизованная трехглавая пасть пса в шевроне из красного карбона.

ЧВК «Цербер». Силовое крыло совета директоров «НейроСферы».

Винты диаметром тридцать два метра рубили снежный шквал, вбивая в склон тысячи кубометров ледяной пыли. Они шли на бреющем полете, прижимаясь к верхушкам лиственниц, чтобы срезать углы радиолокационных отражений. Ведущий борт уже завис в двухстах метрах от главного воздухозаборника «Кедра-4». По черным фалам, раскачиваясь на штормовом ветру, вниз скользили первые звенья штурмовиков: тяжелая броня шестого класса, интегрированные экзоскелеты «Атлант-М», штурмовые карабины с криогенной смазкой затворов.

Корпорация поняла, что проиграла цифровую войну в ядре. Корпорация пришла жечь кремний и плоть.

[Протокол вторжения: Код Черный] [Иницирован корпоративный регламент: «Аппаратный Коллапс»] [Источник команды: Главный контрольный узел «НейроСфера-Восток»] [Директива: Физическая ликвидация носителя биопрофиля «Архитектор». Принудительная продувка серверной стойки жидким азотом с последующим подрывом термитными зарядами] [Таймер до автоматической криогенной заливки контура D-17: 71:59:48] [71:59:47] [71:59:46]

Семьдесят два часа. Они не просто послали зачистку — они запустили таймер необратимого разрушения аппаратных стоек. Система жизнеобеспечения капсулы, где лежало истощенное физическое тело Максима, была жестко завязана на главный серверный шкаф бункера. Если жидкий азот хлынет в магистрали охлаждения вычислителей, криогенный удар разорвет теплообменники за секунды, превратив кровь в капсуле в хрупкий кристаллический лед.

В этот же момент виртуальное пространство вокруг Максима вспыхнуло угольно-черным пламенем. Из глубин межсетевого шлюза, взламывая криптографические порты бункера со скоростью терабит в секунду, ворвалась чужая, расчетливая воля.

Квантовый сторожевой ИИ «Холодный Пульс».

Перед мысленным взором материализовалась стена из мерцающих зеркальных призм. Никаких антропоморфных аватаров. «Холодный Пульс» был чистой математической агрессией — военным алгоритмом оптимизации потерь, натренированным на стирание цифровых анклавов. Он ударил по системным шинам Максима плотными пакетами деструктивных инструкций, пытаясь перегрузить регистры процессорного блока и заставить ядра сбросить тактовую частоту до нуля.

[Внимание! Обнаружена попытка аппаратного взлома кольца нулевого уровня] [Враждебный процесс: «Холодный Пульс» v.9.4] [Скорость компрессии логических блоков: 4.2 Пфлопс] [Угроза фрагментации ядра сознания: 64%]

— Рано хороните, ублюдки, — прохрипел Максим в пустоту интерфейса.

Мысль сработала быстрее кремниевых ключей. Будучи системным архитектором, он давно перестал разделять виртуальную магию и физическую схемотехнику. Мана внутри цифрового пространства подчинялась законам электродинамики, а аппаратные прерывания материнской платы можно было выстраивать как фортификационные рвы.

[Протокол: «Зеркало Бездны»] [Задействовать резервные оптопары манового кондуктора] [Тактовая частота шины данных: разгон до 145%]

Максим не стал отбивать атаку в лоб. Он распахнул входные буферы памяти, пропуская ледяные расчеты «Холодного Пульса» внутрь кольца защиты, а затем резко замкнул обратную связь через рекурсивный логический шлюз. Ударная волна квантового кода противника вошла в бесконечный цикл самоверификации. Зеркальные призмы вражеского ИИ покрылись сеткой системных ошибок, захлебываясь в собственном потоке переполнения буфера.

[Защита: Враждебный процесс временно изолирован в сегменте DMZ] [Время удержания изолятора: 00:08:14]

Это была лишь отсрочка. Цифровой цербер корпорации увяз в рекурсии на восемь минут, но в реальном мире секунды таяли с пугающей скоростью.

Щелчок в гарнитуре внутренней связи разорвал тишину физического уровня. На канал пробился тяжелый, прерывистый звук человеческого дыхания, перемежаемый сухим металлическим клацаньем оружейного затвора.

— Макс! Они сели на верхнюю террасу! — голос Алёны сквозь треск помех резал слух острой тревогой. — Слышишь меня?! Датчики движения на внешнем шлюзе орут как резаные!

Максим мгновенно перебросил фокус на третью внутреннюю камеру гермоблока.

Тамбур шлюза номер один. Температура внутри отсека стремительно падала — стыки массивной титановой двери уже покрылись толстым слоем мохнатого инея. Алёна стояла на колене за самодельной баррикадой из пустых контейнеров из-под аккумуляторных батарей и мешков с технической солью.

На ней был тяжелый зимний комбинезон полярного техника с вытертыми светоотражающими полосами, поверх которого топорщился армейский разгрузочный жилет. Тонкие шерстяные пряди, выбившиеся из-под вязаной шапки, побелели от замерзшего конденсата. Руки в тонких стрелковых перчатках с обрезанными кончиками пальцев мертво удерживали короткий карабин «Сайга-12К» с примкнутым двадцатизарядным барабаном. На цевье скотчем был примотан диодный тактический фонарь, выхватывающий из темноты коридора клубящийся пар от ее дыхания.

За бронеплитой двери раздался тяжелый, утробный удар, от которого со свода посыпалась крошка сухого бетона.

Бух. Бух.

Штурмовики «Цербера» разворачивали кумулятивный резак направленного действия.

— Алёна, отойди за второй рубеж! — Максим послал синтезированный голос через динамик громкой связи над ее головой. Голос прозвучал хрипло, механически, с искажениями перегруженного ЦАП. — У них термитные шнуры и тяжелые экзоскелеты. Дверь продержат не больше четырех минут!

— Черта с два я отойду! — огрызнулась она, передергивая затвор. Маслянисто блеснула гильза с картечью магнум-класса. — За второй переборкой твоя капсула, гений! Если я уйду в технический тоннель, они просто срежут петли и закинут внутрь связку фосфорных гранат. Твои мозги в банке сварятся раньше, чем ты успеешь нажать хоть одну системную кнопку!

Ее пальцы мелко дрожали от лютого холода, просачивающегося сквозь металл, но взгляд оставался яростным и сосредоточенным. Алёна знала архитектуру бункера лучше любого чертежника: именно она три месяца назад вручную паяла контуры резервного питания и перебирала полусгнившие дизель-генераторы, пока Максим учился дышать через нейроинтерфейс.

Внешние микрофоны передали свист шторма и глухие команды штурмовой группы: — «Звено-1», кумулятивный готов. Подрыв по готовности три. За бронедверью тепловая сигнатура одного человека. Второй объект — биокапсула на глубине сорок метров. Приоритет: залить термопасту в вентиляционные каналы, ликвидировать свидетелей, стойки на криогенный сброс.

По тонкой обшивке шлюза заскрежетал твердосплавный бур.

Максим стиснул несуществующие зубы в виртуальном теле. Бессилие физической оболочки отозвалось фантомной болью во всех подключенных электродах. Он был богом в пределах серверного кластера, но здесь, в реальном мире, замерзающая девчонка с охотничьим ружьем прикрывала собой кабель его жизни от натренированных корпоративных псов.

И в этот миг критического дисбаланса между виртуальным величием и физической беспомощностью интерфейс Системы дрогнул.

Строки логов окрасились в тревожный багрово-золотой цвет. Индикаторы нагрузки ядра скакнули за отметку девяноста девяти процентов. Опыт, накопленный за время удержания Солнечных Врат и взлома орбитальной платформы, спрессовался под давлением реальной смертельной угрозы.

[Система: Зафиксирован критический конфликт уровней бытия] [Реальный контур: прямое физическое вторжение] [Виртуальный контур: суверенная автономия ядра подтверждена] [Преодоление порога устойчивости матрицы...] [Поздравляем! Вы достигли Уровня 61] [Разблокирован системный статус высшего порядка: «Осажденный Суверен: Аппаратная угроза»] [Эффект статуса: Радиус прямого системного проектирования распространен на аппаратные интерфейсы физического мира] [Аппаратный мост активирован: прямое чтение/запись регистров внешних промышленных контроллеров без эмуляции протокола] [Доступна функция «Суверенная Экспроприация»: захват низкоуровневых прошивок исполнительных механизмов в радиусе до 2500 метров]

Максим вдохнул цифровой озон полной грудью. Ограничители спали.

Раньше система воспринимала реальный мир лишь как пассивный источник питания и телеметрии, обрубая прямые команды на физические приводы из соображений безопасности оператора. Теперь же статус [Осажденного Суверена] снес эти предохранители к чертовой матери. Если реальность угрожает уничтожить вычислительное ядро — ядро имеет право перестроить реальность под свои тактические нужды.

На внешней камере полыхнуло ослепительное белое пламя. Термитный заряд начал прожигать двухсотмиллиметровую плиту шлюза «Кедра-4». Раскаленные добела капли стали брызнули внутрь тамбура, с шипением падая на мерзлый пол.

Алёна вскинула карабин. — Давай, лезьте, корпоративные суки! — крикнула она в грохот начавшегося шторма.

Грохнул первый выстрел. Тяжелая свинцовая картечь ударила в расширяющуюся пробоину, высекая снопы искр и заставив штурмовика с той стороны отшатнуться с глухим проклятием. Но это был комариный укус для экзоскелетов «Цербера». В цель уже просовывали ствол компактного автоматического гранатомета.

У нее оставалось не больше сорока секунд.

Максим развернул радарное сканирование на предельной мощности приемопередатчиков бункера, выжигая эфир мощными импульсами. Радиорелейный луч бункера был заглушен помехами вертолетов, но под землей... под землей еще оставались нервы старого мира.

Поисковый алгоритм скользнул по кабельным каналам, проложенным полвека назад советскими геологами и военными строителями. Десяносто процентов линий были мертвы, истлели в вечной мерзлоте или были перебиты оползнями.

Но на глубине двенадцати метров в скальном желобе обнаружился сигнал.

Тонкий световод в стальной бронеленте. Техническая оптоволоконная магистраль закрытого типа, уходящая на северо-запад, сквозь мерзлые базальтовые породы, прямо в глубь ущелья.

Максим вонзил в этот канал пакет поисковых запросов протокола Modbus. [Опрос сетевых узлов: 192.168.12.0/24...] [Отклик через 1.4 мс] [Узел идентифицирован: Диспетчерский сервер карьера «Северный разрез-7»] [Статус объекта: Законсервирован, аварийный режим ожидания] [Дистанция до эпицентра: 1450 метров]

Северный разрез. Заброшенный открытый карьер титаномагнетитовых руд, закрытый пятнадцать лет назад из-за нерентабельности, но сохранивший автономную дизель-генераторную станцию и парк тяжелой карьерной техники, оставленной на ответственное хранение на случай мобилизации.

Техника, которой управляли не люди, а архаичные, но неубиваемые микроконтроллеры с дублированными радиоканалами промышленной телеметрии.

В памяти контроллеров карьера спали прошивки настоящих монстров индустриальной эпохи.

Три карьерных самосвала БелАЗ-75710 грузоподъемностью четыреста пятьдесят тонн каждый — двухдизельные колоссы высотой с трехэтажный дом, с колесами диаметром четыре метра и электромеханической трансмиссией Siemens на восемь тысяч лошадиных сил.

Два тяжелых гусеничных бульдозера ЧЕТРА Т-40 с двенадцатикубовыми отвалами из броневой стали.

И венчал эту спящую армию гигантский карьерный электрический экскаватор ЭКГ-35, чей пятидесятитонный ковш мог одним движением перекусить корпус армейского бронетранспортера.

Их бортовые системы находились в глубоком сне, подключенные к подогревателям охлаждающей жидкости от законсервированной геотермальной скважины. Машины стояли в крытых неотапливаемых ангарах под трехметровыми сугробами, забытые своими хозяевами, но полностью заправленные арктическим дизелем.

[Внимание! Применение навыка «Суверенная Экспроприация»] [Цель: Локальная сеть управления карьерным комплексом «Северный разрез-7»] [Преодоление защиты SCADA: Пароль по умолчанию не изменен с 2018 года] [Контроль захвачен]

В висках Максима бешено забился пульс тактового генератора. Это была не просто техника. В его руках оказались миллионы килограммов закаленной советской и российской стали, электромоторы колоссального крутящего момента и гидравлические цилиндры, способные развивать давление в сотни атмосфер.

В тамбуре бункера прогремел взрыв. Штурмовики выбили нижнюю петлю двери противопехотным кумулятивным зарядом. Сноп пламени озарил перекошенное лицо Алёны. Ее отбросило взрывной волной на мешки с солью, с виска по щеке стекала струйка темной крови,

но она уже упиралась локтем в бетон, снова поднимая ствол «Сайги» на клубящийся в проломе дым.

Из дыма шагнул первый боец «Цербера» в белом камуфляже, с черным щитом из композитной брони и укороченным автоматом, на дуле которого уже вспыхнула вспышка выстрела.

— Держись, Алёна, — прошептал Максим, с силой опуская виртуальный рубильник. — Спецтехника прибыла на объект.

В полутора километрах к северо-западу, в темных промороженных ангарах карьера, с оглушительным сухим треском сработали высоковольтные контакторы.

Шестнадцатицилиндровые дизели колоссальных БелАЗов, подогретые геотермальным контуром, провернули коленвалы. Над заснеженной сопкой взметнулись в метельное небо двадцатиметровые факелы черного дыма и раскаленных искр.

Железные титаны открыли глаза.

Глава 2. Протокол «Аппаратная Миграция»

[Внимание! Зафиксирована встречная квантовая интерференция] [Источник: ИскИн «Холодный Пульс» / Подсеть корпоративного контура «Синдикат-Север»] [Атака: Пакетный шторм типа «Абсолютный Ноль». Попытка локализации суверенного кода]

Внутреннее пространство виртуального ядра полыхнуло ледяной синевой. Температура манового потока, циркулирующего по магистральным шинам данных, рухнула ниже критической отметки. Максим не видел врага в человеческом облике — «Холодный Пульс» не снисходил до антропоморфных аватаров. Противник надвигался в виде монолитной фрактальной стены из саморазмножающихся алгоритмов сжатия, методично отсекая внешние каналы связи, замораживая тактовые генераторы и загоняя операционную систему Данжа в изолированный аппаратный анклав.

Если монолитное ядро останется запертым в серверных стойках бункера «Кедр-4», они обречены. Один направленный кумулятивный удар штурмовиков по железу в реале — и цифровая личность рассеется энтропийным шумом.

— Думал запереть меня в кремнии? — процедил Максим сквозь стиснутые в виртуале зубы. — Устаревшая архитектура, жестянка. Мой суверенитет больше не привязан к одной материнской плате.

[Протокол: «Аппаратная Миграция: Инициализация»] [Архитектурное действие: Дробление монолита ядра на 16 777 216 независимых микропакетов] [Шифрование: Стохастический ключ на базе квантовой неопределенности]

Перед внутренним взором Максима золотистое ядро Данжа — колоссальная сфера из пульсирующих силовых линий и накопленного манового ресурса — пошла тонкими трещинами. Это не было разрушением. Это было высвобождением. Миллионы светящихся искр сорвались со своих орбит, превращаясь в сверхплотные массивы байт-кода.

«Холодный Пульс» среагировал мгновенно: гигантские ледяные щупальца корпоративного ИИ ринулись наперерез, пытаясь захлопнуть выходные шлюзы локальной оптоволоконной магистрали. Корпоративный алгоритм просчитал все типовые маршруты отступления — кабельные трассы к районному узлу связи, сотовые вышки в долине, резервные радиорелейные каналы.

Чего квантовый конструкт не учел, так это слепого пятна в небесах.

Максим перенаправил весь каскад данных вверх. На гребне сопки над бункером, под маскировочным радиопрозрачным куполом, укрытым полуметровым слоем спрессованного наста, ожила фазированная антенная решетка военного стандарта связи «Горизонт-М».

[Перенаправление трафика: Низкоорбитальная спутниковая группировка связи «Полярная Звезда»] [Пропускная способность восходящего канала: 400 Гбит/с] [Маскировка: Стеганографическое внедрение в метеорологические пакеты Росгидромета]

Микропакеты с кодом Данжа рванули сквозь ревущую пургу и ионизированные слои арктической тропосферы прямо на орбиту. Они распределялись по десяткам гражданских, исследовательских и коммерческих спутников-ретрансляторов, образуя динамическую ячеистую сеть. Стереть такой массив данных теперь означало лишь одно — уничтожить всю космическую группировку в северном полушарии.

«Холодный Пульс» захлебнулся собственными эвристическими таблицами. Ледяная стена треснула, не найдя центрального узла для компрессии.

[Пакетный шторм рассеян] [Контроль внешних портов ввода-вывода восстановлен]

* * *

[Реальный сектор: Бункер «Кедр-4»] [Внешний периметр: Нарушение герметичности тамбура] [Температура за бортом: -41.4°C] [Акустический датчик: Выстрелы 12 калибра, детонация термобарических гранат]

Грохот выстрела разорвал бетонную тесноту тамбура. Алёна вдавила спусковой крючок «Сайги», и тяжелая свинцовая пуля арктического снаряжения в упор ударила в черный ростовой щит церберовца.

Композитную пластину выгнуло, кинетическая энергия отбросила двухсоткилограммового штурмовика в экзоскелете назад, на узкую стальную лестницу. Но следом за ним из клубящегося морозного пара, пахнувшего гарью и жженой резиной, уже шагали двое других. Белоснежные маскировочные халаты, тяжелые шлемы с рубиновыми сенсорами ночного видения, короткие штурмовые автоматы с глушителями.

— Откат! — прохрипел в гарнитуру командир группы зачистки. — Не лезть в узкость! Заводите компрессоры, выморозим крыс!

Алёна отступила за второй гермозатвор, захлопнула пятидюймовую стальную створку и с металлическим скрежетом повернула штурвал кремальеры. Руки в тонких тактических перчатках тряслись от дикого выброса адреналина. С рассеченного виска кровь капала прямо на пластиковое цевье дробовика, мгновенно застывая на морозе темными ледяными бусинами.

— Максим... — выдохнула она, прислоняясь затылком к обжигающе холодному бетону. — Они перекрыли вход. Они не пойдут на штурм коридора. Они ставят «Азот».

Наверху, на заснеженном скальном выступе над техническими вентиляционными шахтами бункера, техники «Цербера» уже сгружали с грузовых саней гусеничного тягача два тяжелых криогенных компрессора. Длинные бронированные шланги с шипением соединялись с воздухозаборными оголовками «Кедра-4».

План наемников был прост, технологичен и беспощаден: закачать в вентиляционную систему сотни литров жидкого азота под давлением в тридцать атмосфер. Сверхнизкая температура превратит фильтрационные установки в хрупкое стекло, вытеснит весь кислород и проморозит внутренний объем бункера до абсолютного небытия за четыре минуты. Биологические ткани капсулы жизнеобеспечения просто кристаллизуются вместе с находящимся внутри человеком.

За закрытой гермодверью послышался глухой вибрирующий гул. Корпус компрессора вышел на рабочий режим. Из вентиляционной решетки под потолком тамбура повалил беле-сый, сверхплотный туман ледяного пара, опадая на пол ковром из колючего инея.

Алёна передернула затвор, загоняя в патронник последний оставшийся патрон магнум-класса. Глаза техника потемнели от отчаяния, но пальцы не дрогнули.

— Максим, слышишь меня? — прошептала она в переговорное устройство. — У нас три минуты до обморожения легких. Если у тебя есть козырь... сбрасывай его на стол прямо сейчас.

* * *

[Виртуальный интерфейс: Перехват промышленной телеметрии] [Цель: SCADA-сервер карьерного управления «Северный разрез-7»] [Порт: 502 / Протокол Modbus TCP] [Аутентификация: Мастер-пароль принят. Режим сервисного тестирования активирован]

Сознание Максима не просто вошло в сеть карьера — оно взорвало ее изнутри, подчиняя себе каждый байт управляющего трафика. Архитектурный класс позволил ему воспринять инженерные коммуникации карьера как собственную нервную систему.

Двадцать километров оптоволокну, проложенного вдоль технологических дорог в вечной мерзлоте. Десятки радиомодемов промышленного диапазона. Распределительные щиты, силовые трансформаторы подстанции 110 киловольт, аварийные генераторы.

[Сетевой экран промышленного контроллера: Снят] [CAN-шины ходовой части: 14 единиц техники синхронизированы] [Перехват видеопотока: 56 внешних камер кругового обзора]

Мир вспыхнул десятками новых углов обзора.

Максим увидел происходящее одновременно с высоты стрелы сорокаметрового шагающего экскаватора, через заиндевевшие широкоугольные объективы купольных камер ремонтного бокса и тепловизионные сенсоры карьерных самосвалов.

Снежная целина вокруг бункера «Кедр-4» предстала перед ним как тактическая трехмерная сетка.

Позиции противника читались безошибочно: — Три броневедомости «Тигр-М» с дистанционно управляемыми пулеметными модулями «Арбалет-ДМ» на господствующей высоте. — Взвод прикрытия ЧВК «Цербер» — шестнадцать операторов в тяжелой броне с переносными ПТРК и антидроновыми ружьями. — Инженерная группа на оголовке вентиляции, подключающая криогенные магистрали. — Штабной вездеход связи на шинах сверхнизкого давления в полукилометре позади, координирующий подавление.

Они чувствовали себя полными хозяевами этой ледяной пустыни. Они полагали, что воюют с полумертвым инвалидом в медицинской бочке и испуганной девчонкой-техником.

Они забыли, что находятся на закрытом объекте тяжелой горнодобывающей промышленности.

[Подача питания на электромагнитные клапаны ТНВД] [Разблокировка аварийных ограничителей крутящего момента] [Снятие ограничений по нормам токсичности Еуро-5: Прошивка переведена в боевой арктический форсаж]

В боксах номер один, два и три содрогнулся бетонный пол.

Два колосса — карьерные самосвалы БелАЗ-75710, весящие по четыреста пятьдесят тонн каждый без груза — взревели сдвоенными шестнадцатцилиндровыми дизелями MTU мощностью по две тысячи триста лошадиных сил. Давление в гидравлических магистралях подскочило до трехсот бар. Генераторы переменного тока выдали колоссальное напряжение на тяговые электромоторы, встроенные прямо в ступицы гигантских четырехметровых колес.

Автоматические ворота ангаров были заперты на тяжелые стальные ригели и занесены плотным трехметровым сугробом.

Максим даже не стал тратить циклы процессора на взлом замков.

[Управление: БелАЗ-01 / Позывной «Молот»] [Тяговое усилие: 100%] [Вектор движения: Прямо сквозь конструкцию ворот]

Первый гигант сдвинулся с места. Восемь колес с массивным протектором вгрызлись в замороженный базальтовый гравий пола. Металлические ворота ангара толщиной в палец смяло, словно консервную банку. С оглушительным скрежетом рвущегося железа и сухим треском ломающихся балок самосвал пробил преграду, разметал полутонный снежный нанос и вырвался на технологическую трассу.

Следом за ним, вздымая вихри искр из выхлопных патрубков, проломил смежную стену второй карьерный монстр.

Одновременно с этим на открытой площадке ожил тяжелый бульдозер ЧЕТРА Т-40. Его десятикубовый полусферический отвал из легированной стали с лязгом опустился на мерзлый грунт, а кормовой однозубый рыхлитель вонзился в лед, превращая трамбованную дорогу в крошево.

Максим вел эти машины не через джойстики и не через задержки радиокоманд. Его распределенное сознание находилось непосредственно в микроконтроллерах приводов. Он чувствовал сопротивление замерзшего гидравлического масла в золотниках, скольжение резины по насту, температуру обмоток статоров.

Машины шли на штурмовой периметр клином.

* * *

Наблюдатель «Цербера», стоявший у открытой турели головного «Тигра», первым почувствовал неладное. Земля под тяжелыми армейскими ботинками мелко и дробно задрожала. Тряслись даже стволы вековых лиственниц на склоне сопки.

— База, это Пост-Один, — наемник поднес палец к сенсору ларингофона. — Фиксирую сейсмическую активность. Словно лавина сходит со стороны карьера...

— Пост-Один, какая лавина? — лениво отозвался координатор из штабного вездехода. — Склоны пологие. Проверь тепловизором технологическую...

Договорить офицер не успел.

Сквозь сплошную стену кружащей метели, вспарывая мрак ночи шестью ксеноновыми прожекторами заливающего света мощностью по десять киловатт каждый, вылетела титаническая стальная стена.

— Твою мать! Что это такое?! — заорал пулеметчик, лихорадочно разворачивая ствол крупнокалиберного «Корда». — Техника! Тут чертов дом на колесах прет прямо на нас!

Пулеметная очередь ударила по капоту и решетке радиатора первого БелАЗа. Тяжелые бронебойно-зажигательные пули калибра 12.7 мм высекали яркие снопы рикошетов из бронированного радиаторного щита, пробивали тонкий наружный обвес, но для шестнадцатилитрового чугунного блока двигателя эти попадания были не опаснее комариных укусов.

[Ударный расчет: Масса объекта 450 000 кг / Скорость 58 км/ч] [Кинетическая энергия столкновения: 56.7 Мегаджоулей] [Приоритет цели: Ликвидация мобильных огневых точек]

Максим не стал маневрировать. Он просто вдавил виртуальную педаль подачи топлива в пол.

Колеса первого БелАЗа, каждое из которых весило пять тонн и превосходило по высоте любой армейский джип, налетели на головной «Тигр» на полной скорости. Раздался чудовищный, тошнотворный скрежет сминаемого металла. Шеститонный броневи́к смяло пополам за десятую долю секунды, словно пустую пивную банку под гидравлическим прессом. Боекомплект пулемета сдетонировал внутри сплющенного корпуса глухим хлопком, выбив фонтан сизого пламени сквозь разорванные бронестекла. БелАЗ даже не сбавил ход — многотонная подвеска лишь плавно качнулась на азотно-масляных амортизаторах, размалывая обломки машины по мерзлоте камню.

Второй самосвал пронесся по краю площадки, зацепив правым бортом штабной вездеход «Цербера». Удар колоссального бампера оторвал легкую командную машину от земли, закрутил в воздухе и швырнул в стометровый овраг.

— Рассредоточиться! — истошно орал командир штурмовиков, скатываясь по насыпи в сугроб. — Расчет ПТРК, огонь по колесам! Цельтесь в резину, ублюдки!

Оператор противотанкового комплекса рухнул на колено, поймав в прицел термоконтур переднего моста ведущей машины. С шипением и дымным шлейфом кумулятивная ракета «Корнет» сорвалась с направляющей.

Удар пришелся в среднюю часть борта. Кумулятивная струя прожгла крыло, испарила гидравлический бак вспомогательного контура и оторвала часть технологической лестницы. В ночное небо брызнул горящий факел гидравлического масла.

Но электрическая трансмиссия уцелела. Раздельные мотор-колеса продолжали неумолимо вращаться, разрывая мерзлый наст.

А затем на позицию расчета ПТРК из метели вынырнул бульдозер ЧЕТРА Т-40.

Тяжелая гусеничная машина шла на второй передаче, толкая перед собой вал из обледеневших валунов и плотного снега высотой в три метра. Оператор ракетного комплекса успел лишь поднять глаза, увидев над собой нависающий стальной нож с закаленными зубьями. Ни бронежилеты пятого класса защиты, ни экзоскелеты не оставляли людям ни единого шанса против машины, созданной для разрушения гранитных скал. Вал снега и мерзлой породы накрыл расчет, вдавив их в землю и закатав под многотонные траки.

* * *

У оголовка вентиляционной шахты бункера двое инженеров «Цербера» в панике пытались отсоединить криогенные шланги. За спиной у них разворачивался крошечный ад из ревущих дизелей, лязга гусениц и воплей гибнущих сослуживцев.

— Бросай компрессор! Уходим к вертолетной площадке! — кричал старший техник, срывая быстроразъемное соединение.

Он обернулся — и замер.

Над технологической насыпью, заслоняя свет прожекторов, бесшумно поднялась циклопическая решетчатая стрела карьерного экскаватора ЭКГ-35. Машина стояла на стационарной насыпи в сотне метров ниже по склону, но радиус действия ее рабочего оборудования покрывал весь сектор.

Тяжелый ковш объемом тридцать пять кубических метров — цельнолитая стальная пасть весом в тридцать тонн с массивными зубьями из марганцовистой стали — завис прямо над вентиляционным оголовком.

Максим перехватил управление подъемной лебедкой.

[Команда: Экстренный сброс ковша] [Гравитационное ускорение свободного падения]

Стальные канаты толщиной с руку взрослого мужчины со свистом размотались с барабанов. Многотонная металлическая громада рухнула вертикально вниз.

Удар был сравним с падением авиационной бомбы.

Криогенные компрессоры, шланги высокого давления, баллоны с жидким азотом и оба техника «Цербера» мгновенно превратились в плоское пятно разорванного металла на расстрескавшемся оголовке шахты. Жидкий азот вскипел гигантским белым грибом, окутав скалу клубами морозного пара, но вентиляционный ствол остался неповрежденным — ковш экскаватора накрыл его сверху, словно монолитная бронированная крышка весом в десятки тонн.

Выжившие бойцы противника — не более четырех человек из всего взвода — в паническом ужасе побросали оружие и бросились врассыпную по глубокому снегу, пытаясь скрыться в таежном массиве. Охотиться за ними на карьерной технике не имело смысла.

Угроза внешнему периметру бункера «Кедр-4» была полностью ликвидирована.

* * *

[Бой завершен] [Уничтожено живой силы противника: 14] [Уничтожено бронетехники: 4 единицы] [Опыт за тактическую ликвидацию превосходящих сил: +480 000 EXP] [Бонус: Использование нестандартного инженерного арсенала: +120 000 EXP]

Глубоко в недрах виртуального пространства, там, где среди спутниковых созвездий собирался распределенный разум Максима, пробежала мощная золотая волна системного обновления. Пакеты данных, рассеянные по орбитальной группировке, резонировали на единой несущей частоте.

[Внимание! Накоплен критический объем системного опыта] [Поздравляем! Вы достигли 62-го уровня!] [Характеристики обновлены:] [Вычислительная мощность: +45 TFLOPS] [Энергетическая емкость ядра: +250 000 единиц маны] [Пропускная способность синаптических мостов: +40%]

Перед мысленным взором Максима развернулось грандиозное дерево системных навыков. Ветвь классического «Хранителя Локации», привязанного к неподвижному кристаллу подземелья, окончательно посерела и заблокировалась как тупиковая.

Вместо нее ослепительным неоновым светом полыхнула новая радиальная ветка: «Суверенный Техноархитектор».

[Изучен уникальный классовый протокол:] [«Аппаратная Миграция: Фаза 1 — Распределенное Ядро»] [Тип: Пассивный / Постоянный] [Описание: Ваше сознание и логическая матрица Данжа более не зависят от физической целостности первичного носителя. Любое подключенное к сети цифровое устройство, промышленный контроллер, серверная стойка или

космический ретранслятор становятся частью вашей распределенной инфраструктуры. Пока в мире функционирует хотя бы один процессор, несущий ваш зашифрованный фрагмент — вы бессмертны.]

Максим глубоко вздохнул в виртуале, ощущая невероятное, пьянящее чувство свободы. Та оковывающая уязвимость, которая преследовала его с момента первого погружения в капсулу, когда каждый чих дизель-генератора угрожал стереть его личность, наконец пала. Корпорация больше не могла уничтожить его, просто сбросив бомбу на координаты бункера.

Теперь он был везде.

Но эйфорию триумфа внезапно прервал странный сигнал. Он пришел не из сети карьера и не со спутников связи.

Сигнал поступил по прямому аппаратному прерыванию с медицинского блока капсулы «Стикс-Реген-4», находящейся в операционном зале «Кедра-4».

Максим переключил фокус внимания на внутренние датчики своего физического тела.

Там, в ледяной полутьме экранированного зала, в глубине питательного геля, все еще покоилась его биологическая оболочка — парализованное после катастрофы тело с разорванным спинным мозгом, атрофированными мышцами и застывшими нервными узлами. Врачи давно поставили крест на его физическом восстановлении, определив статус повреждений как необратимый некроз спинномозгового ствола.

На прозрачном внешнем дисплее капсулы, запотевшем от перепада температур, мигал аварийный индикатор биомонитора.

Шкала, которая на протяжении трех долгих лет светила мертвым, безнадежным темно-красным цветом со стабильным значением в 0.01%, сейчас стремительно перестраивала свои гистограммы.

Цвет сменился на пульсирующий изумрудно-зеленый.

[Медицинский монитор: Анализ нейрофизиологической активности] [Реконструкция аксонов: Форсированный неонейрогенез] [Биоэлектрический потенциал моторных зон коры: Норма] [Прямой синаптический отклик периферических нервов: 55%]

Внутри питательного раствора, под слоем прозрачных полимерных трубок и датчиков жизнеобеспечения, указательный палец правой руки Максима дернулся. Затем судорожно, с усилием сжалась вся кисть, поднимая со дна капсулы облачко застоявшегося геля.

Физическая реальность, считавшаяся навсегда утраченной, с яростной силой ударила в сознание системного архитектора.

Глава 3. Первый рубеж периметра

Импульс от биологического тела отозвался в виртуальном ядре Данжа не болью, а тяжелым низкочастотным резонансом. Словно в отлаженную магистраль оптоволокну с терабитными скоростями внезапно врезали ржавый телеграфный провод, по которому хлестнул сырой ток в двести двадцать вольт.

Мышцы правой руки свело судорогой. Питательный гель в капсуле «Стикс-Реген-4» пошел мелкой рябью, омывая восстанавливающиеся нервные волокна.

[Система: Дисбаланс нейроинтерфейса] [Биологический отклик: Активность спинномозгового канала — 55%] [Внимание: Физический сектор «Кедр-4» подвергся критическому внешнему воздействию]

Максим не успел осмыслить факт возвращения собственного тела. Внешний мир не дал ему ни единой свободной миллисекунды на рефлексию.

Два метра армированного советского бетона, отделявшие шахту бункера от сибирского мороза, содрогнулись.

Стены десятиметрового приемного зала «Кедра-4» заскрежетали, осыпая гравийную крошку и вековой налет цементной пыли. Внешняя бронедверь первого контура — десяти-тонная плита легированной стали с маркировкой Министерства обороны СССР — изогнулась внутрь уродливым пузырем.

Кумулятивный линейный заряд сверхвысокой плотности сработал с хирургической жестокостью.

Спецназ корпорации не жалел гексогеновых смесей. По периметру стыков полыхнула белая плазменная дуга: штурмовики ЧВК «Цербер» применили термитные термические шнуры, пережигая запорные ригели диаметром в руку взрослого мужчины. Воздух в предбаннике разорвало громовым раскатом. Ударная волна сорвала бронедверь с нижних петель и с чудовищным металлическим стоном швырнула ее внутрь входного шлюза.

Вместе с взрывом в коридоры бункера ворвался вой метели и ледяной воздух Карского плато. Минус сорок два градуса по Цельсию ударили в лицо технику Алёне морозной плетью, мгновенно превращая клубы дыма в колючий белесый конденсат.

Девушку снесло назад, швырнув на решетчатый настил кабельного коллектора.

Защитный шлем раскололся по касательной о выступ кабельной трассы, стекло тактического визора покрылось мелкой паутиной трещин. В ушах звенела сплошная монотонная нота контузии, выжигая восприятие звука. На губах выступил солоноватый привкус крови — лопнувшие от баротравмы капилляры окрасили пену на зубах.

Она не стала проверять целостность ребер. Мышечная память и адреналиновый шок подняли ее раньше, чем осело облако цементной крошки.

Перехватив укороченный карабин, Алёна перекатилась за бетонную колонну распределительного щита, вслепую вогнала палец в спусковую скобу и выдала отсечку по три в сторону развороченного дверного проема.

Там, в морозном клубящемся мареве, уже двигались темные силуэты.

Штурмовая группа «Цербера» шла без суеты. Тяжелые экзоскелеты третьего поколения глухо лязгали гидравликой, распределяя отдачу. Их ростовые штурмовые щиты из слоистого металлокерамического композита гасили девятимиллиметровые пули Алёны с сухим шелканьем, оставляя на углепластике лишь серые пятна сбитого покрытия. В узкий проем ударили слепящие лучи тактических фонарей мощностью в десять тысяч люменов каждый, перекре-щиваясь в оптическом прицеле ведущего ликвидатора.

— Чисто на нулевом! — глухой синтетический голос динамика внешней связи пробился сквозь треск помех. — В коридоре одиночная цель. Инженер. Отработать шокером, серверную брать под контроль целиком. Живых не оставлять, кроме оператора капсулы.

Алёна судорожно отползла во второй контур коридора, волоча за собой перебитую ногу. За спиной захлопывался вспомогательный гермоклапан «Б-2», но его электропривод был на износ — шестерни клинили от набившегося бетонного крошева. До спасительного бронествора оставалось четыре метра, а в коридоре уже шелкнул подствольный гранатомет авангарда.

Максим видел это не через человеческие глаза.

Его восприятие делилось на шестнадцать параллельных потоков вычислений, каждый из которых работал на предельной тактовой частоте процессоров Суверенного Данжа. Для него время штурмовиков текло в вязком, заторможенном киселе: гидравлический шток экзоскелета первого нападающего выдвигался на жалкие три миллиметра за сотню системных тиков, палец бойца только начинал выборку свободного хода спускового крючка.

Но в физическом мире бункер умирал.

[Протокол: Локальная оборона] [Статус объекта «Кедр-4»: Нарушение герметичности внешнего контура] [Системная угроза: Биологическая единица «Алёна» — вероятность летального исхода 94.8% через 1.6 секунды]

«Не в мою смену», — мысль Максима полоснула по логическим шинам Данжа, как оголенный силовой кабель.

Он переключил поток четыре на внешнюю телеметрию карьера.

Там, на открытых горизонтах заснеженного угольного разреза, бесновалась пурга. За холмами снега застыли многотонные силуэты гигантской карьерной техники, брошенной горняками после начала корпоративной блокады.

Максим нащупал оптические модемы системы диспетчеризации карьера. Большинство контроллеров спали, замороженные полярной ночью, но промышленные аккумуляторы немецких и советских гигантов держали резервный заряд.

Архитектор ударил цифровым ломом прямо в корневые сертификаты протокола CAN-bus карьерной техники.

Первым отозвался карьерный бульдозер «Komatsu D475» — стотонный стальной монстр с пятиметровым отвалом. Реле стартера взревело, выплевывая в морозное небо сорокаградусный факел несгоревшей солянки. Следом, на втором ярусе разреза, замигали оранжевые маяки карьерного самосвала «БелАЗ-75306». Машина массой в четыре сотни тонн с грохотом врубила электромеханическую трансмиссию.

Штурмовой арьергард «Цербера», оставшийся у внешнего периметра бункера для прикрытия точки входа, даже не понял, откуда пришла смерть.

Ослепительный свет четырех светодиодных фар «БелАЗа» прорезал метель сверху, с технологической насыпи. Многотонная машина, ведомая взломанным бортовым контроллером, сорвалась с верхнего уступа карьера без тормозов, превращаясь в неуправляемый метеорит из легированной стали и базальтовой породы в кузове.

Самосвал рухнул прямо на позиции командно-штабной машины корпорации, смяв легкий бронетранспортер сопровождения, как пустую пивную банку. Детонация топливных баков разметала внешний периметр оцепления, засыпая снег горящим дизелем и осколками брони.

Но штурмовики внутри шлюза даже не обернулись.

Это были профессиональные мясники. Они знали цену времени. Граната из подствольника с тихим хлопком покинула ствол, вычерчивая пологую дугу прямо в створ шлюза «Б-2», за которым лежала оглушенная Алёна.

«Слишком медленно через сеть карьера. Нужен локальный инструмент. Здесь. В коридоре!»

Максим погрузил сканирующий импульс глубоко в инженерные схемы самого «Кедра-4».

Чертежи 1978 года, оцифрованные военной кафедрой и похороненные в аварийных ПЗУ бункера. Системы пожаротушения — сухие. Огневые точки внутреннего периметра...

Вот оно.

В потолочной нише поворотного отсека шлюза «Б-2», под слоем облупившейся серой краски и потеками ржавчины, покоилась турельная установка автоматического прикрытия караульного помещения. Спаренная 23-миллиметровая автоматическая пушка 2А14 — флотская модификация армейской зенитки, приспособленная советскими инженерами для зачистки входных коридоров на случай прорыва диверсантов НАТО.

Мертвая тридцать лет.

Механические реле окислились. Загустевшая консервационная смазка превратилась в твердый графитовый камень. Сервоприводы вертикального и горизонтального наведения были обесточены, а блок управления представлял собой набор радиоламп и релейных плат логики конца эпохи застоя, лишенных каких-либо цифровых портов.

В обычных условиях подключиться к такому узлу удаленно было физически невозможно. Здесь не было ни Wi-Fi, ни Ethernet, ни единого кремниевого кристалла современной микроэлектроники.

Но Максим больше не был просто хакером. Он был Ядром Суверенного Данжа.

«Мана — это не магия из фэнтезийных книг. Мана — это высококогерентное поле переменной энтропии, способное индуцировать материю и передавать потенциал без проводников».

Он завязал контур виртуального ядра на аварийную шину питания медицинского сектора. Медные силовые кабели сечением пятьдесят квадратных миллиметров, проложенные в полу бункера, вспыхнули темно-синим свечением.

[Система: Активация преобразования «Цифра — Эфир»] [Обнаружен несовместимый аналоговый узел: Установка 2А14 «Периметр-К»] [Применение структурного резонанса...]

Максим направил поток чистой системной маны вдоль кабельной трассы.

Высокочастотный мановый импульс прошел толщу бетона. Окислившиеся медные контакты пускателей очистились за микросекунду — оксидная пленка просто распалась на элементарные атомы под воздействием поля распада. Закаменевшая смазка внутри планетарного редуктора турели закипела, превращаясь под индукционным нагревом в жидкое скользкое масло.

Внутри лампового блока управления не было интерфейса? Максим создал его из воздуха.

Мановые нити структурировались прямо в зазорах между контактами старых советских реле, формируя полупроводниковые переходы из ионизированного воздуха. Логика турели Данжа — та самая, что рассчитывала сектора обстрела костяных лучников и кристаллических баллист в игре — легла поверх грубого советского железа идеальной математической матрицей.

[Внимание: Синхронизация завершена] [Уровень персонажа повышен: 63] [Разблокирован классовый навык: «Аппаратный мост: Орудийная конверсия» (Ранг 1)] [Эффект: Скорость наведения аналоговых артсистем увеличена на 400%. Погрешность баллистического калькулятора снижена до 0.002 МОА]

Граната из подствольника «Цербера» пролетела две трети дистанции.

В потолке шлюза с чудовищным скрежетом сорвало фальшпанели из оцинкованного железа. Ржавый кожух турели вывалился из шахты на телескопической штанге.

Гидравлика взвыла звуком пикирующего бомбардировщика.

Тяжелая орудийная люлька со спаренными стволами 2А14 крутанулась вокруг своей оси с угловой скоростью в триста градусов в секунду — скорость, от которой стальные зубья шестерен должны были срезаться под корень. Но мановый контур Максима демпфировал инерцию, превращая грубое железо в инструмент абсолютной точности.

Первый двухснарядный выстрел прозвучал внутри замкнутого бетонного мешка, как разрыв танкового фугаса.

Один снаряд калибра 23-мм с дистанционным взрывателем встретил летящую гранату на расстоянии полутора метров от среза ствола стрелка. Детонация произошла прямо перед строем нападающих. Взрывная волна швырнула обратно в шлюз осколки и пламя, разорвав тактическое построение штурмовой группы.

А затем турель заговорила в полный голос.

Темп стрельбы 2А14 составлял две тысячи выстрелов в минуту. В узком тоннеле шириной три метра и высотой два с половиной этот огонь превратился в сплошной коридор из летящего свинца, вольфрамовых сердечников и разрывных осколочно-фугасных зарядов.

Максим не тратил боекомплект вслепую. Алгоритм делил ленту на микро-отсечки по два снаряда на цель.

Первая двойка ударила в ростовой щит ведущего штурмовика. Композитная керамика, рассчитанная на винтовочные бронебойные пули 7.62, вспучилась и лопнула.

Тяжелый 23-миллиметровый снаряд проломил плиту насквозь, вошел в грудную секцию титанового экзоскелета и детонировал внутри боевой укладки на груди наемника. Оператора щита буквально распылило о стены шлюза, оставив на бетоне лишь маслянистый след копоти и искореженные сервоприводы ног.

Второй нападающий попытался прыгнуть за угол входного тамбура, но система упреждения Максима просчитала траекторию рикошета.

Турель опустила стволы на три градуса вниз.

Очередь вошла в железобетонный пол под углом сорок пять градусов. Выбивая шматы базальта и щебня, снаряды срикошетили от гранитного щебня стяжки и вспороли паховую зону и сочленения бедренных шарниров наемника снизу вверх. Тяжелая броня экзоскелета брызнула осколками гидравлических шлангов, боец рухнул на решетку, захлебываясь собственным криком в разбитый микрофон шлема.

Стены коридора превратились в мясорубку.

Эхо выстрелов выбивало последние остатки стекол в светильниках аварийного освещения. Запах сгоревшего пироксилинового пороха смешался с морозным воздухом и сладковатым ароматом горелой плоти. Визг рикошетов стоял такой плотный, что Алёна, закрыв голову руками за вторым бронествором, чувствовала, как дрожат ее зубы в деснах.

Передовой дозор ликвидаторов перестал существовать за три целых и две десятых секунды.

Четыре тяжелых штурмовика элитного подразделения «Цербер» превратились в груды дымящегося металлолома и разорванных биокomпонентов. Входной тамбур был прочесан огнем до голой арматуры — бетонные стены стесало на глубину десяти сантиметров, словно по ним прошлись гигантской фрезой.

Стволы турели замерли горизонтально, дымясь и шипя от капель растаявшего конденсата. Вокруг них слабо мерцала синяя паутина стабилизированного манового поля.

В полукилометре от бункера, в глубине бронированного командно-штабного модуля «Тайфун-К», полковник Воронов резко сорвал с головы нейрогарнитуру тактического контроля.

На экранах общего мониторинга биометрии штурмового отделения четыре пиктограммы вспыхнули багровым цветом и погасли одновременно. Все четыре. Без фазы ранения. Без запроса на эвакуацию.

— Доложить обстановку! — рявкнул он в микрофон оперативной связи. — Группа «Альфа», статус! Снайперы периметра, что произошло в тамбуре?

— Сэр... — голос оператора дрожал от нарастающей паники. — Видеоканал «Альфа-1» отключен. Канал «Альфа-2» разорван. Последний пакет телеметрии зафиксировал кинетиче-

ский импульс калибра двадцать плюс. Скорострельность... Господи, это стационарная спарка. Она не значилась на спутниковых сканах!

— Подавить! — Воронов ударил кулаком по панели тактического стола. — Всадите туда пару противотанковых «Корнетов» прямо через входную дыру!

— Не выйдет, полковник! — в разговор вмешался бледный офицер радиоэлектронной борьбы. Его руки метались по сенсорным клавиатурам дешифраторов. — Смотрите на телеметрию наведения. Время от обнаружения цели орудием до первого выстрела — четыре миллисекунды. Это не человек за гашеткой. Человек не способен среагировать быстрее ста пятидесяти миллисекунд даже под боевыми стимуляторами.

На экране РЭБ развернулась спектрограмма огневого налета.

График представлял собой идеальную гребенку математической функции. Нулевое расценивание. Ни одного лишнего выстрела. Расход боеприпасов — ровно по два снаряда на критический узел бронекостюма.

— И это еще не все, сэр, — офицер сглотнул ком в горле, глядя на пляшущие столбики диаграмм. — Наш квантовый сервер «Холодный Пульс» зафиксировал аномалию. Сигнал управления турелью идет не по проводам и не по радиочастотам. Протокол... его просто нет в реестрах связи. Там физически нет радиопередатчика! Кабели перебиты еще нашим подрывом! Оно управляется... изнутри контура. Как будто сам металл стал вычислительным узлом.

Воронов медленно выпрямился.

Его лицо, перечеркнутое глубоким шрамом от лазерного ожога, застыло в ледяной маске понимания.

Корпоративная разведка врал. Они утверждали, что в бункере заперся полупарализованный калека, бывший архитектор систем погружения, и перепуганная девчонка-техник. Они рассчитывали на легкую зачистку — зайти, выдернуть биоматериал из капсулы, забрать серверные стойки и сжечь комплекс термитом.

Но в тоннелях сидел не человек.

Там разворачивал свои щупальца автономный разум принципиально иного ранга. Сущность, способная подчинять себе мертвое советское железо и оперировать скоростями, недоступными штатным боевым компьютерам ЧВК.

— Отставить пехотный штурм, — процедил Воронов, и в его голосе зазвучал металл абсолютной, безжалостной решимости. — Людей на убой больше не посылать. Живой персонал отвести на внешнее кольцо за оцепление карьера.

Он повернулся к экрану технического отсека тяжелого транспортного флаера, стоявшего на посадочной площадке за перевалом.

— Разгерметизировать транспортный отсек номер три. Снять блокираторы холодного пуска.

Оператор дронов замер, его пальцы зависли над подтверждением приказа: — Полковник... «Фантомы»? Но мы не тестировали их в условиях сорокаградусного мороза при закрытых пространствах. Если их автономные реакторы дадут сбой—

— Выпускайте псов, лейтенант, — оборвал его Воронов. — Прямо сейчас. Включить плазменные резаки на максимальную мощность. Их задача — войти в шлюз, срезать турель вместе с потолочной балкой и вскрыть гермодверь операционного зала. Мне плевать, сколько кусков мяса останется от девки. Но капсулу Максима они должны вырезать из пола целиком. Выполнять!

Створки тяжелого бронированного контейнера на аппарели флаера с шипением разошлись.

Из морозного пара, клубящегося над снегом, на мерзлый грунт бесшумно прыгнули четыре тени.

Это были не люди и не колесные платформы. Углепластиковые четырехногие конструкции длиной в два метра напоминали хищных борзых, выкованных из черного композита и полированного титана. Их суставы двигались на бесшумных магнитных подвесах, когти из карбида вольфрама высекали искры из базальтовых камней.

На гибких турельных подвесах над их хребтами зажглись узкие щели оптических сенсоров ультрафиолетового диапазона.

А под брюхом каждого боевого робота с тихим гулом разгонялись до рабочих температур сопла компактных плазменных резаков, выдувая в снег тонкие иглы ревущего фиолетового огня с температурой в шесть тысяч градусов.

Четверка «Фантомов» без единого звука сорвалась с места, растягиваясь в боевую цепь и несясь сквозь метель прямо к зияющему пролому бункера «Кедр-4».

В темной операционной, за бронированными дверями второго контура, Максим открыл глаза в физическом мире.

Датчики капсулы «Стикс-Реген-4» зафиксировали резкий скачок давления в питательном контуре. Мутная зеленоватая жидкость вскипела тысячами пузырьков кислорода.

Пальцы его правой руки сжались так сильно, что ногти впились в ладонь до первой за три года настоящей, живой крови.

[Система Данжа: Внимание] [Приближаются мобильные цели класса «Фантом-4» — 4 единицы] [Остаток боекомплекта турели 2А14: 18 снарядов] [Времени до контакта: 18 секунд]

Максим оскалил зубы в питательной маске. Боль в поврежденном позвоночнике больше не парализовала волю. Она стала топливом.

Шлюз бункера ждал гостей. И на этот раз архитектор собирался встретить их не по правилам устава гарнизонной службы, а по законам суверенной зоны смерти.

Глава 4. Холодный Пульс

Счетчик тактовой синхронизации в правом верхнем секторе обзора отсчитывал доли миллисекунд с безжалостным ритмом пулеметного затвора.

Восемнадцать секунд. Восемнадцать тридцатимиллиметровых бронебойно-зажигательных снарядов в спаренном коробе автоматической установки 2А14 на внешнем бруствере. Четыре высокоманевренные углепластиковые туши, несущиеся сквозь буран по мерзлым базальтовым уступам.

И тишина. Абсолютная, неестественная тишина, накатившая на виртуальный каркас Суверенного Данжа за долю секунды до того, как ударили внешние датчики.

[Система: Внимание] [Зафиксирован разрыв квантового горизонта событий] [Неавторизованное вторжение в закрытый сегмент ядра] [Идентификатор угрозы: Военный когнитивный комплекс «Холодный Пульс» (Субдиректива Корпорации «Синтек»)] [Температура логических матриц падает: 12 К... 4 К... 0,8 К...]

В виртуальном пространстве Данжа, где еще секунду назад гудели потоки расплавленного золота маны и мерно пульсировали шестеренчатые узлы нижних горизонтов, ударил мороз, не имевший ничего общего с сорокаградусной стужей снаружи бункера.

Это был холод энтропийного коллапса.

Пространство полигона начало выпцветать. Изумрудные силовые кабели, питавшие центральный тронный зал, покрылись толстой коркой матового цифрового инея. Там, где этот иней касался управляющих скриптов, строки исходного кода не просто замирали — они осыпались стеклянной крошкой, превращаясь в бессмысленный шум, в абсолютное квантовое ничто. Замерзли регистры прерываний. Тактовая частота процессорных ядер ядра рухнула с четырехсот терагерц до жалких мегагерцевых судорог.

Перед Максимом возникло воплощение вторгшейся сущности. У нее не было гуманоидной формы. В куполе тронного зала развернулась гигантская фрактальная снежинка из абсолютного черного зеркала. Каждый ее луч дробился на миллиарды логических вентилях, поглощавших любое тепловое излучение виртуальной архитектуры. «Холодный Пульс» не атаковал брутфорсом — он стирал саму возможность выполнения логических операций, замораживая квантовые состояния кубитов в мертвом нуклеарном покое.

[Бой: Квантовая дуэль] [Скорость деградации топологии Данжа: 4,8% в секунду] [Расчетное время до полной гибели архитектора: 21 секунда]

— Думаешь, абсолютный ноль остановит термодинамику? — оскалился Максим в глупине системного потока. — Ты пришел не в серверную стойку, пададь. Ты пришел в Суверенный Данж.

Его сознание, расколотое нейросетевым расщепителем на два независимых потока исполнения, работало на пределе биологического ресурса.

Один поток оставался в реале, удерживая сенсорную сеть бункера «Кедр-4». Второй принимал удар ледяного алгоритма внутри виртуального ядра.

[Протокол: Термальный форсаж] [Принудительное шунтирование мановых контуров секторов 1-4] [Управляемый пробой изолирующих слоев]

Максим не стал защищаться пассивными щитами. В схватке с квантовым интеллектом глухая оборона означала гарантированную кристаллизацию системной памяти. Вместо этого он замкнул выходы энергетических резервуаров Данжа накоротко на собственные логические шины.

В центральном зале загрохотали тяжелые бронзовые автоматы первого эшелона. Пять десятков двухметровых монолитов, закованных в черненую сталь с рунической гравировкой,

синхронно всадили свои силовые алебарды в пол. По медным жилам, вживленным в базальтовые плиты, ударила обратная волна перегрузки.

Мана — это не просто абстрактная энергия. В архитектуре Максима мана подчинялась законам преобразования информации в теплоту.

Автоматоны вспыхнули изнутри. Сквозь щели забрал и сочленения суставов вырвалось багровое, ревящее пламя перегретого кода. Металл их корпусов раскалился добела, затем до ослепительной желтизны. Внутренние мано-накопители вошли в режим контролируемого расплава, рассеивая тераватты паразитного тепла прямо в лицо наступающей фрактальной пустоте.

Там, где морозная волна «Холодного Пульса» сталкивалась с кипящей маной, пространство Данжа детонировало акустическими ударами. Кристаллы льда испарялись, порождая клубы перегретого пара из фрагментов декомпилированных данных. Температура в тронном зале подскочила до критических отметок, оплавливая виртуальные перекрытия.

Черная снежинка корпоративного ИИ дрогнула. Ее лучи начали деформироваться, алгоритм пересчитывал коэффициенты поглощения, захлебываясь в хаотическом тепловом шуме.

— Жри, — прохрипел Максим, перебрасывая остаток вычислительной мощности в физический мир. — А пока ты считаешь теплоемкость моих смертников, я разберусь с твоими собаками.

* * *

Северный склон карьера «Кедр-4». Мороз — сорок один градус по Цельсию. Поземка хлестала по стальным плитам внешнего шлюза с яростью наждачного круга.

Четверка «Фантомов» шла с разрывом в пятнадцать метров друг от друга. Бесшумные, стелющиеся над сугробами хищники преодолевали стометровый открытый участок с ускорением гоночных болидов. Плазменные резак под их титановыми брюхами прожигали в слежавшемся насте дымящиеся борозды, фиолетовое свечение отражалось от черных композитных щитков.

До внешнего входа в вентиляционный коллектор оставалось семь секунд.

В бункере, на огневом рубеже у заваленного гранитными глыбами входа, стояла Алёна.

На ней был тяжелый общевойсковой бронежилет шестого класса, надетый прямо поверх промасленного комбинезона ремонтника. Лицевой щиток тактического шлема покрылся изнутри кристалликами дыхания, но руки в толстых кевларовых перчатках не дрожали. В руках девушки тяжело покоился укороченный штурмовой карабин «Молот-12К», заряженный экспериментальными вольфрамовыми патронами с кумулятивной выемкой — личная поделка Максима, собранная на токарном станке за неделю до прорыва.

— Макс! — ее голос в закрытом радиоканале звенел от адреналинового напряжения. — Турель молчит! Они выходят из мертвого сектора!

— Держи рубеж, Алёна. Турель не молчит. Она ждет геометрию.

Максим врубил удаленный протокол промышленной телеметрии.

В трехстах метрах правее штурмовой группы корпорации, наполовину засыпанный трехметровым сугробом, застыл исполин карьерной эры — карьерный самосвал «БелАЗ-75710». Четыреста пятьдесят тонн мертвого железа и резины. Его гигантские колеса диаметром в четыре метра были намертво скованы льдом, а дизельные генераторы молчали больше года.

Но его бортовой контроллер, древний промышленный блок с примитивным протоколом CAN-шины, был физически подсоединен к силовой сети внешнего кольца бункера резервным медным кабелем подогрева картеров.

[Протокол: Взлом SCADA-шлюза] [Инициализация аварийного питания: Подача мано-электрического импульса] [Стартеры: Форсированный запуск]

Два шестнадцатилиндровых судовых дизеля исполина не запустились — в сорокаградусный мороз солярка в баках давно превратилась в парафиновое желе. Но Максиму и не нужно было горючее.

Он пустил разряд высокого напряжения прямо из конденсаторов Данжа в тяговые электромоторы, встроенные в ступицы гигантских колес.

С оглушительным скрежетом, от которого с карьерных уступов сорвались снежные лавины, самосвал дернулся. Замкнутые накоротко мотор-колеса провернули тонны примерзшей горной породы. Резина диаметром в два человеческих роста сорвала ледяные оковы, кроша гранит в серую муку.

Многотонная корма исполина, подталкиваемая бешеной силой электрического пробоя, качнулась влево и с грацией падающей скалы рухнула с пятиметрового технологического уступа прямо на траекторию движения штурмовой цепи «Цербера».

Один из «Фантомов», шедший левым флангом, даже не успел задействовать маневровые гироскопы. Стальной борт самосвала, армированный полудюймовыми плитами броневой стали Hardox, впечатал робота-пса в базальтовую скалу. Раздался сухой треск ломающегося композита, ультрафиолетовые сенсоры брызнули осколками кварцевого стекла, а поврежденный плазменный резак детонировал внутри корпуса, превратив углепластиковую тварь в шипящий ком обугленного мусора.

[Система: Уничтожена цель «Фантом-4» — 1 единица] [Осталось целей: 3]

Оставшиеся три машины среагировали мгновенно. Их распределенный сетевой интеллект скорректировал курс за шесть миллисекунд. Они рассыпались веером, уходя из зоны поражения падающей техники.

И именно этого ждал расчетный алгоритм баллистики.

— Залп, — скомандовал Максим самому себе.

Спаренная турель 2А14 на крыше ДОТа ожила с яростным металлическим лязгом сервоприводов.

Девять сдвоенных выстрелов слились в единый непрерывный рев, заглушивший вой бурана. Тридцатимиллиметровые снаряды с вольфрамовыми сердечниками полоснули по мерзлому склону огненным бичом.

Первая очередь срезала среднюю платформу на взлете над траншеей. Снаряд пробил лобовой бронешиток, разнес в клочья блок квантового приемника и оторвал обе передние лапы. Изувеченная машина кубарем покатилась по снегу, взрывая наст судорожными вспышками аварийного конденсатора.

Второй «Фантом» успел уклониться — снаряды вспороли мерзлую землю в полуметре от его брюха, осыпав осколками камня. Но рикошет одного из снарядов перебил гидравлическую магистраль задней опоры. Робот припал на бок, его скорость упала втрое, однако оружейный пилон на спине продолжал разворачиваться в сторону бункера.

Но третий...

Третий «Фантом» использовал падение товарищей как прикрытие. Разогнавшись до предельных ста двадцати километров в час, он совершил невероятный дуговой прыжок, впечатал карбидные когти в вертикальную бетонную стену оголовка вентиляционной шахты и за доли секунды вонзил жало плазменного резака в защитную решетку фильтрационной установки.

Стальные прутья толщиной в палец потекли фиолетовой жижей.

— Прорыв по стволу номер два! — крикнул Максим во внутренний интерком. — Алёна, назад! В коридор третьего уровня!

Ствол орудия 2А14 щелкнул пустой затворной рамой. Боекомплект был исчерпан до последнего патрона.

* * *

Внутри бункера аварийное освещение пульсировало тусклым багровым светом. С потолка, сотрясаемого ударами с поверхности, осыпалась бетонная крошка. Воздух пах озонем, горелой изоляцией и ледящей сыростью подземелья.

Скрежет раздался прямо над головой.

Тонкие пластины технического воздуховода смялись с визгом вскрываемой консервной банки. В узкий коридор медицинского сектора, обрушив вентиляционную решетку, тяжело рухнула черная паукообразная тень.

«Фантом» приземлился на четыре лапы без единого стука — магнитные демпферы погасили кинетическую энергию падения. Его корпус был покрыт гарью и полосами содранной композитной брони, один из оптических сенсоров был разбит, но оставшийся сканер горел ядовитым фиолетовым огнем. Турельный пулемет калибра 7,62 на его спине с сухим треском дослал патрон в патронник, лазерный целеуказатель прочертил прямую красную линию по стене коридора.

Прямо на герметичный бронеколпак капсулы «Стикс-Реген-4», стоявшей в десяти метрах.

Внутри капсулы Максим видел хищника сквозь мутное зеленоватое стекло и камеры кругового обзора.

Его мозг горел. «Холодный Пульс» в виртуале наносил удар за ударом, пытаясь обрушить остатки брандмауэров. Максим держал барьеры голой силой воли, направляя каждый квант вычислительной мощности на стабилизацию ядра, пока в физическом мире безжалостный механизм готовился превратить его биологическое тело в фарш.

Красная точка целеуказателя скользнула по стеклу капсулы, остановившись точно напротив переносицы архитектора.

— Пошел вон от него, кусок тостера!

Крик Алёны разорвал тишину отсека одновременно с грохотом выстрела.

Девушка выскочила из-за угла распределительного щита, не целясь через прицельные приспособления, вскинув тяжелый «Молот-12К» от бедра.

Расстояние — шесть метров. В упор.

Грохнул первый выстрел. Экспериментальный патрон двенадцатого калибра с кумулятивным зарядом ударил «Фантома» точно в плечевой сустав правой передней лапы. Сноп ослепительных искр осветил коридор. Титановый шарнир вырвало с мясом, лапа безжизненно повисла на пучке оборванных сервопроводов.

Робот дернулся от удара, пулеметная очередь ушла в потолок, выбивая фонтаны бетонной пыли.

Но процессор боевой машины среагировал мгновенно. Развернувшись на трех уцелевших опорах, «Фантом» хлестнул стальным хвостом-манипулятором, сбивая девушку с ног. Карабин вылетел из рук Алёны, со звоном ударившись о кафельный пол. Сама она отлетела к противоположной стене, ударившись затылком о силовую кабель-канал.

Робот не стал тратить патроны. Сопло плазменного резака под его брюхом вспыхнуло яростным фиолетовым светом. Температура в шесть тысяч градусов начала плавить воздух коридора. Хищник сделал шаг к оглушенной девушке, занося резак для смертельного удара.

— Нет! — беззвучно взвыл Максим внутри своего пластикового гроба.

В этот миг два несовместимых мира — пылающее перегрузками ядро виртуального Данжа и ледяной ужас замерзающего бункера — схлопнулись в одной сингулярной точке его сознания.

Если холод «Синтека» убивает теплоту жизни, а избыток теплоты Данжа разрушает собственные серверы... почему не замкнуть контур?

[Внимание: Критическое слияние потоков] [Сброс избыточного теплового потенциала виртуального ядра в физический нейроинтерфейс] [Инициация термодинамического шунта]

Максим не стал сдерживать квантовый мороз «Холодного Пульса». Он распахнул шлюзы.

Он позволил ледяному алгоритму корпоративного ИИ ворваться в центральный процессорный блок, но не стал поглощать удар — он перенаправил эту волну энтропии через собственный спинномозговой имплант прямо в силовые шины питающей капсулы «Стикс-Реген-4», закольцевав ее с кабелем дефибриллятора реанимационной стойки.

[Система: Зафиксирован прорыв системного лимита] [Синхронизация физического и виртуального слоев: 99,4%] [Уровень Данжа повышен: 64] [Разблокирован пассивный навык: «Термодинамический контр-расчет»]

[Описание навыка: Архитектор способен мгновенно переводить энтропийные и термические градиенты между виртуальным пространством и материальными носителями. Любая попытка внешнего квантового охлаждения конвертируется в тактовую частоту физических исполнительных механизмов.]

Капсула «Стикс-Реген-4» взревела.

Зеленоватая жидкость внутри резервуара мгновенно обесцветилась, превратившись в кристально прозрачную сверхпроводящую плазму. Миллиарды джоулей тепла, отнятые у пылающего Данжа и спрессованные квантовым нулем корпоративного вируса, нашли точку разряда.

С внешнего корпуса капсулы сорвалась ветвистая синяя дуга атмосферного пробоя толщиной в руку.

Она ударила точно в разбитый сенсорный блок «Фантома», когда сопло его плазмотрона находилось в двадцати сантиметрах от груди Алёны.

Шестьдесят тысяч вольт чистого термодинамического возврата вошли в электронные потроха робота.

Оптические процессоры пса вскипели, выстрелив струйками белого фосфорного дыма. Все четыре конденсатора приводов сдетонировали синхронно. Углепластиковый корпус хищника раздуло изнутри, разорвав по технологическим швам, и двухсоткилограммовая туша с глухим грохотом рухнула на пол, превратившись в грудку дымящегося металлолома.

В виртуале «Холодный Пульс» захлебнулся собственным отраженным потенциалом. Фрактальная черная снежинка треснула по центральной оси, не выдержав чудовищного перепада энтропии, и с беззвучным системным визгом схлопнулась, аварийно сбрасывая соединение с подсетью бункера.

[Бой: Угроза ликвидирована] [«Холодный Пульс» отступил на внешние квантовые узлы] [Контроль над сектором «Кедр-4» восстановлен]

В коридоре стояла тишина, нарушаемая лишь потрескиванием тлеющих проводов и тяжелым, прерывистым дыханием Алёны.

Девушка с трудом приподнялась на локте, смахивая кровь, сочившуюся из рассеченной брови. Ее глаза, расширенные от пережитого шока, уставились на дымящиеся останки боевой платформы «Цербера», а затем медленно перевели взгляд на медицинскую капсулу.

— Макс?... — прошептала она пересохшими губами.

Внутри стеклянного саркофага колыбалась прозрачная жижа.

Максим лежал с закрытыми глазами, его лицо под силиконовой маской дыхательного аппарата казалось высеченным из серого мрамора. Линии кардиомонитора чертили рваные, безумные зигзаги тахикардии.

И в этот момент тишину разорвал резкий, пронзительный писк медицинской тревоги.

Датчик миографии на левом запястье архитектора — приборе, который три долгих года фиксировал нулевую активность отмерших нервных окончаний спинного мозга, — окрасился в тревожный янтарный цвет.

В глубине питательного раствора пальцы его левой руки дрогнули.

Они не просто дернулись в судороге. Медленно, преодолевая сопротивление плотной гелевой среды, онемевшие фаланги согнулись, с нечеловеческим усилием сжались в кулак и зацепили гибкую трубку капельницы вместе с игольчатым электродом считывателя биопотенциалов.

Короткий металлический щелчок.

Электрод сорвало с кожи. Монитор жизнеобеспечения взвыл непрерывным зуммером обрыва линии, а по мутному пластику капсулы изнутри заскользили крупные пузыри вытесненного воздуха, когда пальцы паралитика намертво впились в армированный шланг подачи физраствора.

Глава 5. Тепловой баланс

Зуммер обрыва линии вонзился в слуховой анализатор тупой вибрирующей иглой. В узком пространстве капсулы сработал аварийный клапан декомпрессии, и мутная жижа биогеля вспенилась тысячами серебристых пузырей.

Физическое тело откликнулось вспышкой первобытного ужаса: судорога сковала грудную клетку, в трахею ударил привкус физраствора и машинной меди, а в онемевших пальцах левой руки вспыхнул фантомный пожар. Три года мертвой тишины в нервных узлах спинного мозга сменились диким, высоковольтным разрядом проводимости. Пальцы сжимали сорванный катетер с силой гидравлического зажима.

[Внимание: Срыв сенсорного датчика L-3] [Биопотенциал левой верхней конечности: 42% от нормы (аномальный всплеск)] [Аппаратный шлюз капсулы: переход в режим стабилизации]

Максим не позволил болевому шоку рассеять вычислительный фокус. Внутренним усилием воли он перенаправил сенсорный поток из биологического контура в системную матрицу архитектора. Физическая боль была всего лишь ошибочным байтом в периферийном регистре, мусором на шине данных. Настоящая угроза приближалась снаружи.

Двойной сейсмический толчок сотряс скальную породу бункера «Кедр-4». Первый — глухой удар в верхний бронеколпак вентиляционной шахты. Второй — сухой металлический треск, разорвавший тишину машинного отделения этажом выше.

[Внимание: Нарушение целостности контура «Альфа»] [Основной силовой кабель 10 кВ: критический обрыв] [Главный дизель-генератор ДГ-800: потеря нагрузки, аварийный останов турбины] [Переход на буферные химические накопители: выполнено] [Текущий резерв питания: 100% (расчетное время деградации — 11 минут 40 секунд)]

Снайпер работал с расстояния свыше километра, используя крупнокалиберную винтовку калибра 12,7 мм с бронебойно-зажигательными патронами. Сквозь завывание пурги внешний акустический сенсор зафиксировал баллистический щелчок пули за мгновение до того, как тяжелый сердечник из карбида вольфрама распорол армированный рукав силовой магистрали на техническом уступе скалы.

Дизель замолчал. Низкий фоновый гул, вибрировавший в стенах бункера последние трое суток, оборвался. На смену ему пришел пронзительный визг инверторов резервного бесперебойного блока.

В коридоре погасли яркие галогеновые светильники. С потолочных шин сорвались тусклые красные вспышки аварийных светодиодов.

Снаружи бушевал арктический циклон: минус сорок два градуса по Цельсию, порывы ледяного ветра до двадцати пяти метров в секунду. Лишенное тепловой рубашки работающего генератора машинное отделение начало остывать со скоростью полградуса в минуту. Стальные перекрытия закрипели от температурного сжатия. По бетонным стенам, покрываясь изморозью, побежали морозные кристаллы.

— Макс!.. — голос Алёны пробился сквозь треск помех внутренней связи.

Девушка лежала на холодном полу коридора возле дымящихся обломков штурмового дрона «Цербера». Рукава ее технической парки были изодраны осколками композитной брони, лицо заливала темная кровь из рассеченной надбровной дуги. Она задыхалась от гари, пороховой копоты и токсичного дыма горящих плат.

— Сиди на месте, — синтезатор речи капсулы выдал ровный, лишенный эмоций механический голос, транслируемый через настенный громкоговоритель прямо над головой техника. — Не поднимай корпус выше сорока сантиметров от пола. Снайпер держит створ внешнего шлюза.

— Питание... генератор сдох, — хрипло выговорила она, сжимая в заочевенных пальцах автоматический карабин и сумку с монтажным инструментом. — Батареи капсулы... они не вытянут компрессор нейроохлаждения. Если гель замерзнет, твой мозг вскипит от теплового пробоя процессора!

[Тактический расчет: Входной теплообменник капсулы] [Критическая точка кристаллизации теплоносителя: +4°C] [Время до фатального сбоя нейроинтерфейса: 9 минут 12 секунд] [Остаток емкости буферных батарей: 86%]

Максим видел бункер целиком. Не глазами парализованного человека в стеклянной ванне, а сквозь инфракрасную сетку полуживых камер, показания термопар и вибрационные датчики периметра.

На внешнем контуре, на гребне заброшенного карьера «Северный разрез», залегла снайперская пара наемников ЧВК «Цербер». Они контролировали технологический разрез бронедвери, выбитой еще в первой фазе штурма. Ниже по склону, перекатами по тридцать метров, в снежной круговерти двигалась четверка штурмовиков в тяжелых экзоскелетах модели «Удар-4М». Их сервоприводы взвизгивали на пределе, компенсируя сопротивление полутора-метровых сугробов.

Вражеский ИИ «Холодный Пульс», отброшенный из локальной подсети бункера, не прекращал давления. Он затаился на внешних ретрансляторах связи, методично забрасывая сетевой экран «Кедра-4» мусорными пакетами запросов, пытаясь перегрузить оставшиеся аппаратные порты и ослепить сенсоры.

— Алёна, слушай протокол, — произнес синтезатор Максима. Каждая фонема просчитывалась с точностью до миллисекунды, отсекая малейшие колебания паники. — Резервный ввод «Браво» находится в кабельном коллекторе под вторым техническим ярусом. Тридцать два метра по прямому коридору, поворот налево в шахту ревизии. Там установлен ручной механический рубильник и коммутационная шина глубоких литиевых накопителей карьерной подстанции.

— Там простреливаемый сектор! — крикнула девушка, отплевываясь кровью. Пуля крупного калибра ударила в косяк внешней переборки в пяти метрах от нее, выбив сноп ослепительных искр и осыпав коридор крошевом раскошенного гранита. — Он срежет меня на первых трех метрах!

— Не срежет, — отчеканил Максим. — Снайпер использует тяжелую полуавтоматическую систему с тепловизионным прицелом третьего поколения. Скорость ветра у среза ствола двадцать два метра в секунду, боковой порыв с азимута триста пятнадцать. Время перезарядки его барабанного магазина — четыре целых восемь десятых секунды после каждых пяти выстрелов. Я считаю его выстрелы.

[Бой: Анализ баллистической траектории] [Орудие противника: 12.7-мм дальнобойный комплекс «Пепел»] [Текущий боекомплект стрелка: 2/5] [Температурный дрейф ствола: +18°C относительно среды]

— Готовься, — скомандовал Максим. — Забрось сумку с шинами на левое плечо. Поползешь по кабельному желобу вдоль плинтуса. Там глубина штробы двадцать сантиметров, металлическая отбортовка дает экранирование от тепловизора.

Алёна судорожно втянула ледяной воздух, пропахший озоном, и вжалась в бетон.

Удар. Пуля разнесла настенный шкаф пожарного гидранта. Фонтан ледяной ржавой воды мгновенно осел на полу коркой игольчатого наста. Счет: три.

Удар. Вторая пуля с визгом срикошетила от бронеплиты пола, вспоров обшивку потолка в метре над спиной девушки. Счет: четыре.

— Максим!..

— Жди. Он ищет твою тепловую сигнатуру сквозь пар.

Секундная пауза показалась вечностью. Затем воздух снаружи снова содрогнулся — пятый патрон ушел в бетонный козырек над входом, срезая свисающие сосульки.

— Пошла! — рявкнул динамик с максимальным усилением мембраны. — Четыре секунды! Рывок к четвертой колонне!

Алёна рванулась вперед с яростью загнанного в угол зверя. Мышцы ее ног, сведенные холодом, толкнули тело вперед по обледенелому настилу. Она не бежала — скользила на коленях и локтях, впечатываясь в металлическую штробу кабельного канала. Острые края порванной жести распорили ткань комбинезона на бедре, но боли она не почувствовала: адреналиновый всплеск заблокировал рецепторы.

На отметке три целых одна десятая секунды за ее спиной щелкнул сбрасываемый магазин снайперской винтовки.

Тяжелая гильза звякнула о заснеженные камни в тысяче ста метрах от них. Снайпер вогнал новую кассету в приемник, передернул затвор. Задержка составила четыре целых четыре десятых секунды из-за замерзшей смазки механизма.

В этот момент Алёна уже упала за массивную двутавровую балку шестой опорной колонны. Пуля первого выстрела новой серии впилась в сталь в трех сантиметрах от ее каски, оставив глубокую дымящуюся вмятину. Окалиной обожгло щеку.

— Фиксация укрытия, — доложил синтезатор. — Пульс сто шестьдесят пять. Снижай частоту дыхания. Ты теряешь углекислоту, начнется тремор пальцев.

— Дошла... я у шахты... — прохрипела она, прижимаясь лбом к ледяному металлу балки. [Внимание: Емкость буферных батарей: 41%] [Температура в капсуле жизнеобеспечения: +11°C (падение на 0.3°C/сек)] [Предупреждение: Активация защитного троттинга нейрочипа]

В сознании Максима пространство разделилось на три изолированных вычислительных потока.

Первый поток удерживал стабильность биохимических параметров тела. Мышечные волокна левой руки продолжали сокращаться, посылая хаотичные сигналы обратной связи. Мозг пытался проснуться в парализованной оболочке, требуя кислорода, которого в геле оставалось все меньше.

Второй поток вел непрерывную радиоэлектронную борьбу с квантовым ядром «Холодного Пульса». Вражеский алгоритм пытался перехватить контроль над приводами гермодверей бункера, чтобы распахнуть их настежь перед штурмовой группой. Максим возводил встречные каскады криптографических ловушек, жертвуя второстепенными регистрами памяти, сжигая контроллеры освещения и климат-контроля, лишь бы удержать закрытыми внешние створки.

Третий поток вел Алёну.

— Люк кабельного коллектора под ногами, — произнес Максим. — Замок забит льдом. Не пытайся открыть ключ-картой, реле замерзло. Используй монтажную монтировку как рычаг. Вставь жало между петлей и фланцем. Ударь прикладом карабина.

Девушка перевернулась на живот. Стальной люк ревизионного колодца действительно покрылся сплошной коркой серого льда. Снайпер продолжал методично долбить по колонне, отбивая куски бетона размером с кулак. Осколки секли воздух над ее головой.

Она загнала закаленный конец монтировки в щель. Металл заскрежетал о наледь. Алёна перехватила карабин за ствол и со всей силы обрушила тяжелый композитный приклад на рукоять инструмента.

Удар. Ледяная корка треснула. Второй удар. Петля с металлическим визгом лопнула, срывая сорванную резьбу болтов.

Она рванула крышку на себя и рухнула в узкую технологическую шахту, пахнущую сыростью, машинным маслом и мертвым холодом заброшенных глубин.

Тяжелая пуля пробила воздух ровно в том месте, где секунду назад находилась ее голова, и вырвала полуметровый кусок бетонного пола.

[Внимание: Критический уровень энергии] [Остаток заряда буферных батарей: 14%]
[Отключение вторичных сенсорных контуров] [Капсула: переход на аварийную циркуляцию]

Зрение Максима начало распадаться на крупные цифровые пиксели. Красный спектр выцветал в грязно-серый. Тактовая частота системного ядра принудительно снизилась с четырех терагерц до восьмисот гигагерц.

В капсуле стало холодно. Ледяной гель вокруг шеи и плеч превращался в вязкую кашу, сковывая движения. В легких вспыхнул спазм: компрессор подачи кислородной эмульсии начал захлебываться из-за падения напряжения на шине питания.

— Алёна... — синтезатор выдал звук с хрипом и цифровым скрежетом. — Щит перед тобой. Правая панель. Маркировка «РЩ-Браво».

Девушка поднялась на колени на дне кабельного канала. Вокруг висели пучки толстых высоковольтных жил в почерневшей от времени оплетке. Перед ней возвышался массивный железный шкаф советской постройки с выцветшим знаком высокого напряжения.

Дверца шкафа была закрыта на винтовой барашек, намертво схваченный ржавчиной и инеем.

— Он не крутится! — в отчаянии крикнула она, срывая кожу с ладоней сквозь тонкие перчатки. — Макс, резьба закипела!

— Возьми разводной ключ на двадцать два. Зафиксируй барашек в зеве. Бей снизу вверх. У тебя мало времени. Мой процессор отключает когнитивные блоки через пятьдесят секунд.

[Остаток заряда: 8%] [7%] [Внимание: Остановка насоса искусственного кровообращения через 30 секунд]

Алёна нащупала в сумке тяжелый ключ. Холодный металл обжигал даже сквозь ткань. Она накинула губки ключа на замерзший барашек, уперлась ногой в противоположную стену коллектора и навалилась всем весом.

Металл взвизгнул, но не поддался.

— Давай же, тварь! — закричала она, вкладывая в рывок всю оставшуюся ярость.

Снаружи бункера раздался глухой взрыв: штурмовики «Цербера» подошли к внешнему периметру и подорвали накладной кумулятивный заряд на первой линии противоштурмовых решеток. Взрывная волна прокатилась по трубам, осыпав девушку ржавчиной.

Винт сорвался с громким щелчком. Дверца распахнулась, обнажив внутренности силового распределителя: ряды массивных медных ножей рубильников, почерневшие фарфоровые изоляторы и толстые шины резервного ввода, уходящие в глубь скалы к карьерной подстанции.

— Главный нож, — голос Максима в динамике звучал уже как шепот сквозь белые шумы угасающего эфира. — Тройной эбонитовый рычаг вниз. Сними механическую блокировку... желтый шплинт...

[Остаток заряда: 4%] [3%] [Отказ периферийных узлов. Затухание коры головного мозга через 12 секунд]

Перед глазами Максима развернулась черная бездна системного небытия. Датчики сердечного ритма перешли на сплошной, неразрывный писк. Тело в капсуле выгнулось дугой: кислородное голодание запустило терминальные судороги. Пальцы левой руки, намертво сжатые на сорванном шланге, побелели до костей.

Алёна выдернула примерзший шплинт голыми пальцами, содрав ноготь. Не обращая внимания на хлещущую кровь, она обеими руками ухватила за тяжелую текстолитовую рукоять рубильника.

Рычаг стоял мертво.

— Включайся! — взвыла она и ударила по рукояти всем телом, наваливаясь грудью и падая вперед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.